

Первая репетиция

1937

I.

ОНА СОСТОЯЛАСЬ 36 лет назад, летом 1901 года.

Лето стояло необычайно жаркое. Учредители театра, который тогда назывался «Московский художественно-общедоступный театр», решили, дабы не очень томить публику подготовительными пробами, перенести репетиции, так сказать, на свежий воздух.

У молодого помощника первого поверенного П. Архипова, который впоследствии стал известным режиссером Арбатовым, был участок в дачной местности Пушкине по Северной железной дороге. На участке — большой пустующий сарай. Этот сарай и был превращен в импровизированный театр.

Вс. Э. Мейерхольд — теперешний народный артист республики, руководитель театра своего имени, а тогда только что соскочивший со школьной скамьи филармоник, где он окончил драматические классы под руководством Вл. И. Немировича-Данченко, — был приглашен своим учителем вступить в состав организующего дела. Он дал точное описание арбатовского сарая, востину старшего «колыбелью Художественного театра».

«Довольно большой деревянный барак, состоящий из двух почти одинаковых частей; одну часть занимает сцена, другую — зрительный зал. Опена на высокие подмостки, довольно большая, невысокая. Занавес сшит из таковой материи, из какой крестьяне шьют себе рубахи. Рампа будет освещаться керосином. К той части барака, где находится сцена, прилегают две комнаты с разных сторон: это женская и мужская уборные. Двери зрительного зала выходят на веранду. Вот наш храм Мельпомены».

Труппа сформировалась накануне начала работ. Она разместилась маленькими колониями по пушкинскому дачкам. Каждая колония представляла собой своеобразную коммуны. В каждой коммуны был свой старший, на обязанности которого лежали хозяйственные заботы. В актерских коммунах налаживались те прочные товарищеские отношения, которые додны были спаять творческий коллектив, состоявший из двух равноправных частей: «любителей» из руководимого К. С. Станиславским «Общества искусства и литературы» (в этой группе были: В. В. Лужский, А. Р. Артем, А. А. Салия, М. П. Лилана, М. Ф. Андреева, Г. С. Бурдаков) и «филармонистов» (ученики Вл. И. Немировича-Данченко: А. И. Андреев, А. Л. Загаров, А. С. Каневский, О. Л. Книшпер, В. Э. Мейерхольд, П. М. Москвин, Е. М. Мунт, М. П. Никольова, М. Л. Россавова, С. М. Судбинский, С. М. Тихомиров). Между этими двумя основными элементами — приплатили «справочники» А. Л. Вишневский и А. Е. Давыдов.

Эта подробность — расселение по

У КОЛЫБЕЛИ МХТ

«коммунам», стимулировавшее необходимость прочной спайки, — не только бытовой штирля из прошлого Художественного театра. Театр, выдвигавший во имя борьбы с публичной и рутинной во всех их разновидностях и формах, ставил одной из своих задач на ряду с воспитательными — эстетическое воспитание этическое.

Пример показывал сам К. С. Станиславский. Он нарравне с другими нес ту «общую задачу», которую получили все актеры с первого же момента своего пребывания в Пушкине. Он нарравне с другими брал на себя обязательства по уборке, охотке «сарая-театра» и по наблюдению за ходом репетиций. Сам он в Пушкине не жил и приезжал ежедневно за шесть верст из Люблиновки.

II.

«Акт торжественного открытия» произошел более чем скромно. Станиславский произнес речь об идеалах искусства, закончив ее цитатой из «Положения колоккола» Гауптмана. Вс. Э. Мейерхольд отметил в письме к жене, что впечатление от этого вступительного слова лично для него было испорчено тем, что Константин Сергеевич не отказался от девиза «искусство — для искусства». Ведь театр создавался со специальной проветрительной целью — стать общедоступным для самых широких масс театров, зачем же этот лозунг?

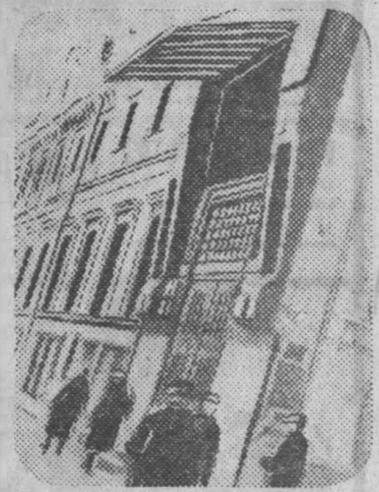
Выпили чай, огласили приветственные телеграммы от блиставших овым отсутствием «почетных гостей» — тех учредителей «акционерного общества», которые, являясь верховными московской плутократии, дали деньги для учреждения Художественного театра. Меценаты не обеспокоили себя путешествием в Пушкино.

Затем раздали роли «Антигопы» и «Шейлока», пьес, предзнаменительных для репетиций — в первую очередь. На следующий день репетировали. Работали без устали с 11 утра до 5, с перерывом на обед, отдых и купание, потом с 7 до позднего вечера.

Первая репетиция Художественного театра — не только хронологическая подробность в его летописи. Эта первая репетиция — дата огромного внутреннего значения в истории развития творческих путей русского драматического искусства. Это была репетиция, вовсе не похожая на репетицию в обычном понимании этого термина. В обычной репетиции читалась пьеса, затем с тетрадками в руках бормотали актеры текст своих ролей и сейчас же устанавливали сложные мизансцены. После 6-7 репетиций пьеса считалась готовой

и выдвигалась на публику. Достаточно сказать, что премьеры «Грозы Островского» в 60-х годах прошла после 6 репетиций, а «Чайка» Чехова, впервые сыгранная в 1896 году на сцене Александринского театра в Петербурге («Катастрофа» о «Чайке») — как называется эта глава на биографии Чехова, «потребовала» всего 7 репетиций.

Затем с первой же репетиции Художественного театра выяснилось,

что от актера вовсе не требуется зубрежки текста, что правило знать роль (правда, под суфлера) уже к третьей репетиции — правило неслучайное. В арбатовском сарае, прежде чем перейти на подмостки и прежде чем начать говорить слова роли, устанавливали непреложность и необходимость дальнейшей работы «за столом» — разбора содержания как всей пьесы, так и каждой роли. Каждый образ обсуждался со всех сторон. Пьеса репетировалась не целиком, а по куколкам, по эпизодам, по отрывкам.

III.

Жаркое лето подходило к концу. Влад за «Шейлоком» и «Антигопой» приступили к «Царю Федору», которым, как известно, был начат первый сезон Художественного театра. Вместе с «Федором» репетировалась «Чайка».

В августе колония художественников переселилась из Пушкина в Москву, и в истории Художественного театра началась та новая его глава, которая датирована премьерой «Царя Федора Иоанновича» — 14 октября 1898 года.

Мы накануне 35-летия этой знаменательной даты.

Юл. СОБОЛЕВ